

ИСТОРИЯ.СЕВЕР

"СССР рухнет в конце 1980-х". Как советских студентов отправили в лагеря за критику госкапитализма

Север. Реалии

12 июня 2026

Украина – Демонтаж памятника Ленину в Тернополе, западная Украина, 8 августа 1990 года

60 лет назад небольшая группа советских студентов в разных городах СССР зачитывалась рукописью "Закат капитала", оказавшейся отчасти пророческой. Идея ее состояла в том, что в СССР победила не социалистическая, а буржуазная революция особого типа: собственником средств производства стала партийная номенклатура. Сложившийся в результате госкапитализм становится тормозом развития, и автор текста Юрий Вудка в 1966 году предрекал, что в СССР кризис неизбежен в конце 1980-х годов, а Чехословакии, опережавшей советские республики по уровню развития, он случится "уже в ближайшее время".

За чтение и попытку распространения этого текста, до сих пор не опубликованного целиком и известного только по воспоминаниям и пересказам очевидцев, 13 человек получили сроки – от условного до семи лет лагерей. Судебные процессы проходили в Рязани, Саратове и Петрозаводске в 1969-70 годах.

Александр Учитель

В Петрозаводске по делу Группы революционного коммунизма был осужден один человек – 19-летний студент историко-филологического факультета Петрозаводского госуниверситета Александр Учитель. Хотя фактически петрозаводской ячейки не существовало, Учитель отсидел четыре года в Дубравлаге, а еще несколько студентов были отчислены из университета.

Сегодня Александр Ефимович живет в Иерусалиме, у него большая семья, многочисленные внуки и уже правнуки. Он эмигрировал в Израиль через год после освобождения, стал историком Древнего мира, а в 1991 году, когда крах СССР, как и предсказывал Вудка, случился, Учитель был

реабилитирован новыми российскими властями.

Корреспонденту Север.Реалии он рассказал о том, что представляла собой Группа революционного коммунизма, как ему сиделось в Дубровлаге и что он думает об управляющих страной выходцах из КГБ сегодня.

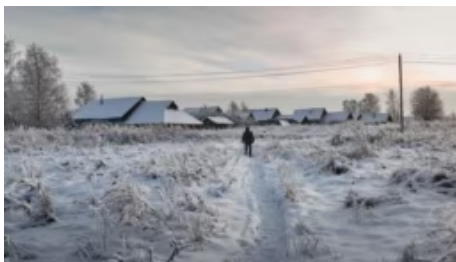
| Хождение по мукам на карельском

– Мама моя – тверская карелка из деревни Гнездово в Тверской губернии, – **Александр Учитель** объясняет, как в Группе революционного коммунизма оказались связаны Петрозаводск, Рязань и Саратов.

Александр Учитель - петрозаводский студент, осужденный в 1969 году по делу Группы революционного коммунизма (в центре)

Он родился и вырос в Рязани, но много времени проводил на родине матери, у ее двоюродной сестры в Гнездово. Тверские карелы его "страшно заинтересовали", школьник выучил тверской диалект карельского языка и твердо нацелился на финно-угорскую филологию.

СМОТРИ ТАКЖЕ

"Этот дом заброшен, тот пустой".
Карельский анклав под Тверью

Закончив школу в 1967 году, Александр сначала поехал поступать в Тарту, но там был нужен эстонский. Тогда он отправился в Ленинград и завалил экзамены. Оставалась Карелия.

– Я приехал в Петрозаводск и пошел в Институт языка и литературы, где предложил им свои записи карельского фольклора, которые я сделал в тверских деревнях. Я там нашел такую очень интересную рукопись – "Хождение Богородицы по мукам" на карельском языке, написанную кириллицей. Но мне сказали, что это ничего не стоит, что записи фольклора должны быть магнитофонные, а такие рукописные они не принимают, – рассказывает Александр Учитель.

Зато он познакомился с Григорием Макаровым – советским филологом и этнографом, одним из ведущих специалистов по карельскому языку. Ученый оценил интерес выпускника к тверским карелам и предложил ему просто посещать занятия на отделении финского языка и литературы – чтобы выучить финский для вступительных экзаменов. Правда, протекции Макарова хватило только первый семестр, потом возмутился деканат, и пришлось вернуться в Рязань. Поступил Александр Учитель уже на следующий, 1968 год.

А на зимних каникулах, вернувшись к родителям в Рязань, он встретился "с этими самыми подпольщиками".

– Собственно, я познакомился с одним-единственным человеком, там была строгая конспирация, никто никого не знал, – рассказывает Учитель.

| "У них улики не было"

Тем человеком был Олег Сенин – сам родом из Рязани, но учился в Саратове и уже успел закончить там юридический институт и начать работать в прокуратуре. Именно он дал Учителю почитать статью "Закат капитала", которая была подписана псевдонимом Л. Борин. Это были фотокопии машинописных листов – пачка обычного размера фотографий, по которым вполне можно разобрать текст.

В статье излагалась теория, что в Советском Союзе на самом деле никакого социализма нет, а построен государственный капитализм.

– Эта работа на меня произвела очень сильное впечатление, – вспоминает Учитель.
– Но Сенин не соглашался дать мне ее с собой в Петрозаводск. Дал только при условии, что я создам там подпольную организацию. Там я никакой организации, конечно, не создал, но давал читать разным людям, студентам, которые со мной учились.

После первого курса летом Учитель вновь оказался в Рязани. Однажды Сенин позвал его на встречу в сквер – попросил принести ленту для пишущей машинки. А на следующий день к нему пришли с обыском из КГБ.

– У меня никакого, конечно, опыта не было, в отличие от диссидентов, как общаться с КГБ. Я был совершенно наивен, во всем признался сразу. Хотя мог бы и отрицать, на самом деле. У меня ничего не нашли дома. У них улики не было, никаких доказательств решительно не было, – рассказывает Александр Учитель. – Ну и, в общем, они меня не арестовали в Рязани. У них, по-видимому, были свои карьерные планы – нужно было провести отдельный процесс в Петрозаводске.

Александр Учитель в студенческие годы (крайний слева)

Он вернулся в университет, успел съездить в этнографическую экспедицию в Тихвинский район Ленинградской области – к тихвинским карелам. Во время работы над расшифровкой фольклорных записей его и арестовали – 18 сентября 1969 года.

В результате КГБ устроил три судебных процесса: в Саратове, в Рязани и в Петрозаводске. В Рязани 10-19 февраля 1970 года осудили шесть человек, включая автора работы "Закат капитала": за псевдонимом Л.Борин скрывался Юрий Вудка, студент Рязанского радиотехнического института, родом из Днепропетровска – он получил 7 лет. В Саратове судили еще шестерых, знакомый Учителю Олег Сенин тоже получил 7 лет строгого режима и 2 года ссылки.

В Петрозаводске судили одного Учителя. Под Новый год, 31 декабря 1969-го, за хранение и распространение антисоветской литературы ему дали четыре года лагерей по 70-й статье УК РСФСР "антисоветская агитация и пропаганда", плюс в приговоре была и 72-я статья – "организационная деятельность, направленная к совершению особо опасных государственных преступлений, а равно участие в антисоветской организации".

Еще троих исключили из университета: Эммануила Брио и Тойво Барыгина – за то, что читали "Закат капитала", а Александра Ингерайнена – просто за то, что жил с Учителем в одной комнате в общежитии.

Позднее в самиздатовских [заметках](#) Александр Учитель описал краткую историю Группы революционного коммунизма. Он узнал ее уже в лагере – встретив там Сенина, который основал подпольную организацию, познакомившись с Вудкой. Организация была строго законспирированной, делилась на звенья, участники друг о друге толком не знали – между собой были знакомы только руководители звеньев. И когда в группе случился раскол, строивший большие политические планы Сенин оказался физически без сообщников. Тут ему и подвернулся Учитель, пообещавший создать "петрозаводскую ячейку". Плюс у Сенина было преимущество: он лично знал автора "Заката капитала", в отличие от остальных членов организации.

"Однако Вудка спутал все карты: к 1969 году он потерял интерес к революционной деятельности и решил эмигрировать в Израиль. Сделать это было тогда совсем не просто, и Вудка решил перебраться в Черновцы, откуда, вроде бы, евреев уже выпускали. Перед отъездом Вудка стал сдавать дела в Рязани Евгению Мартимонову, но я оставался "темной лошадкой", будучи известен Вудке только под кличкой Финн. Мартимонов выразил сомнение в моем реальном существовании и потребовал от Сенина меня ему предъявить. Для этого Сенин и вызвал меня на свидание в сквер, в то время как Мартимонов наблюдал со стороны, как я передаю Сенину ленту для пишущей машинки, сразу же меня узнав, так как жил со мной в одном доме".

На рязанском процессе Евгений Мартимонов отделался условным сроком. Александр Учитель предполагает, что причина в том, что он после первого же вызова в КГБ согласился сотрудничать со следствием. В частности, сдал "лидера петрозаводской ячейки".

|"Кончайте нае..вать рабочих"

После суда в Петрозаводске и участия в качестве свидетеля на саратовском процессе ("Единственный вопрос был: когда я принял эту самую идеологию, антисоветскую. Я сказал: после прочтения "Заката капитала") 19-летнего Александра Учителя этапом отправили в лагерь, в Мордовию.

– Вообще, в Советском Союзе это было обставлено намного лучше, чем сейчас, – рассказывает бывший политзек. – Потому что была отдельная система лагерей для политических заключенных, хотя их не существовало якобы. Официально называлось: "Система лагерей для особо опасных государственных преступников". И очень хорошо, потому что сидеть с уголовниками не самое приятное занятие. Хотя в тюрьме я с ними сидел, в одной камере, ничего особенного. Нормальные люди, не жалуясь.

Учитель прошел через несколько лагерей в этой системе.

– Ничего ужасного не было, – вспоминает он, – было некое пространство, огороженное забором деревянным с колючей проволокой. И внутри стоят бараки, в которых живут заключенные. В жилой зоне, кроме бараков, столовая, библиотека. А на работу выводят в рабочую зону отдельно. На 17-м лагере шили рукавицы. На 3-м было отделение Горьковского автозавода, делали запчасти к автомобилям. А на 19-м делали футляры для деревянных часов с кукушкой.

В 17-м лагере Учитель первым делом встретил Олега Сенина – единственного участника своей тайной подпольной организации, которого знал лично. Как и Юрий Вудка, он был осужден на семь лет лагерей. Там Сенин и рассказал Учителю историю создания Группы революционного коммунизма. Позднее он познакомился и с другими. По его делу в лагере с ним сидели Олег Фролов из Рязани, Дмитрий Куликов и Виктор Бобров из Саратова. Особенно близко Учитель сошелся с Бобровым. С Фроловым после эмиграции в Израиль они тоже дружили до смерти Фролова в конце 1990-х.

– Конечно, я ожидал встретить в лагерях этих самых диссидентов, о которых я слышал, как всякий советский человек, но никогда не видел, – говорит Учитель.

И он встретил в лагере писателя Андрея Синявского, который в 1966-м получил семь лет лагерей – какое-то время они жили с Учителем в одном бараке. В лагерной больнице он встречался также с журналистом и поэтом Александром Гинзбургом, осужденном в 1967-м на пять лет лагерей. И уже незадолго до освобождения в 19-м лагере встретился с Кронидом Любарским, астрофизиком и правозащитником, осужденном в 1972 году на пять лет строгого режима.

Но основную массу заключенных составляли не диссиденты, вспоминает Учитель, а люди с военными и послевоенными делами: осужденные за сотрудничество с немцами, "лесные братья", украинские, литовские и армянские националисты, потом – сионисты после "самолетного дела" (летом 1970 года группа евреев-отказников, отчаявшись получить разрешение на выезд из СССР, решила угнать кукурузник, однако всех арестовали еще до посадки в самолет).

Большинство политзаключенные, вспоминает Учитель, делились в основном на "марксистов" (таких же критиков советского строя с позиций истинного марксизма-ленинизма, как читатели "Заката капитала") и условных "монархистов" или, скорее, национал-патриотов. "Монархистами" в том числе называли довольно большую группу осужденных по делу ВСХСОН – Всероссийского социал-христианского союза освобождения народа, ленинградской организации из 22 человек. Среди марксистских групп Учитель называет организацию

Краснопевцева из Москвы, "социал-дарвинистов" из Нижнего Тагила, группировавшихся вокруг человека под псевдонимом Смолин (донецкий философ Василий Спиненко). Самого Смолина отправили в психиатрическую больницу, а его сторонников посадили. В лагере они объясняли мир борьбой двух классов – "трамполистов" (то есть, "обманщиков", партийной бюрократии) и интеллектуалов.

А еще в лагере, например, сидел человек по фамилии Кампов из Ужгорода, партийный работник областного уровня. Перед выборами в Верховный Совет кто-то разбросал в городе листовки с призывом "Голосуйте за Кампова", хотя самого Кампова в бюллетене не было. "Кандидат" знать не знал про листовки, но получил десять лет за измену родине.

Или сидел человек из Запорожья с фамилией Нездийминога: он написал на билете спортлото фразу: "Кончайте нае..вать рабочих" и отправил билет по адресу. КГБ нашел его по почерку, дали пять лет.

– Как вы воспринимали свое положение? Гордились собой или корили себя?

– Горд я не был. Я с интересом просто относился. Любопытно было все это. Очень интересно. Но и не жалел ни о чем. На самом деле самое страшное началось после освобождения. Потому что я сразу попал под гласный надзор милиции. Это ужасный год, который я провел после лагеря в Рязани: вроде бы, на свободе, а на самом деле никакой свободы нет, потому что гласный надзор заключался в том, что нельзя после восьми часов вечера выходить из дома, нельзя выезжать из города, нужно два раза в неделю отмечаться в милиции.

|"Все следили с крайним изумлением"

После освобождения из лагеря в 73-м году Александр Учитель сразу подал заявление на выезд в Израиль. Сначала получил отказ, но не сдался, стал писать письма во всевозможные инстанции. Наконец, в октябре 1974 года он уехал. Один, без семьи. Вызов ему прислал двоюродный брат.

– И не страшно было вот так, в одиночку, в 24 года уехать в незнакомую страну?

– После таких приключений в Советском Союзе уже ничего не страшно было, лишь бы выбраться оттуда.

После центра абсорбции, где он полгода учил иврит, Александр Учитель поступил в Иерусалимский университет. Отучился, отслужил в армии, уехал в Лондон получать PhD по истории Древнего мира. А к 1985 году вернулся в Израиль

преподавать в Иерусалимском университете. В СССР тем временем начались перемены, в какой-то мере предсказанные Вудкой в "Закате капитала".

- Вудка ведь тоже в конце-концов оказался в Израиле, вы с ним поддерживаете какие-то отношения сейчас?

- Я с ним встречался здесь. Но потом мы с ним как-то разошлись. Он тут ушел в религию полностью, стал крайне религиозным, совершенно потерял всякий интерес к тому, что его волновало в России. Да и израильская внутренняя политика тоже действует на отношения между людьми. Вообще, подавляющее большинство эмигрантов и репатриантов из бывшего Советского Союза, они все тогда, в 70-е годы пошли на правый фланг. А я всегда крайне левым был, не поддерживал всей этой националистической истерии. Сегодня, кстати, антипутинская эмиграция – это как раз в основном противники нынешнего правительства. Это интересно, это новое явление совершенно, потому что в 90-е годы эмигранты голосовали за правых в основном.

- А вы, уехав в Израиль следили за тем как рушился СССР, как все менялось?

- Да, это произвело, конечно, шоковое впечатление, – вспоминает Учитель. – Никто этого не ожидал. И с 1990 года я уже начал каждый год ездить в Россию. В 90-м году еще существовал Советский Союз. Еще не было дипломатических отношений, я через Польшу ездил. И тогда первый раз попал в Советский Союз, после многолетнего перерыва. Ездил до начала 2000-х, к родным, пока они были живы. Потом перестал.

Вскоре после освобождения: Александр Учитель стоит в центре, рядом с матерью. Слева - Александр Удодов, политзек, которого посадили в 1963 г. в Минске на 10 лет. Справа - еще один участник Группы революционного коммунизма Олег Фролов

- Каким вам показался Советский Союз через 20 лет?

- Ужасным. Вы же знаете, как в 90-м году он выглядел. Трудно было поверить, что это на самом деле происходит. Потому что магазины были абсолютно пустые. В буквальном смысле слова - макароны по карточкам продавали. У моих родителей были целые листы этих карточек, по которым они макароны покупали. Не какие-то деликатесы. На вокзале окурки продавали. Расплачивались пачкой "Мальборо" за все. Когда я уезжал, в 70-е годы, Советский Союз выглядел намного лучше. Потом все стало налаживаться, конечно. Предпоследний раз я там был в 2007 году. На Таманском полуострове Петрухин устроил воркшоп, выездной семинар (*историк Владимир Петрухин, один из крупнейших российских специалистов по Древней Руси и хазарам - СР*). На меня тогда Краснодарский край произвел не менее шоковое впечатление - в смысле процветания. Это был просто процветающий край. Совершенно несравнимый ни с тем, что было в 90-е годы, ни с тем, что было при советской власти. Так что все менялось.

- Как, по вашему впечатлению, ход событий подтвердил правоту автора "Заката капитала"? Советский Союз все-таки развалился в конце 80-х - примерно через двадцать лет, как и предсказал в 66-м Юрий Вудка...

- В общем, да. Там анализировалось, что Чехословакия опережала в своем развитии Советский Союз, поэтому госкапитализм там раньше станет экономическим

тормозом. Он это написал еще до событий 68 года. Соответственно, если вот так оценивать степень отставания Советского Союза, то он предполагал, что где-то в середине 80-х годов то же самое будет в Советском Союзе. По сути, это была хорошая аналитическая работа. Там практическая программа была утопическая абсолютно, критический анализ был, в общем, очень здравый.

– Вы следили за трансформацией политической жизни Советского Союза?

– Да, конечно. Вначале вообще это было просто поразительно. Программу "Взгляд", кажется, смотрели все, у кого было российское телевидение. Тогда это были эти тарелки спутниковые. Все следили с крайним изумлением, за тем, что там происходит.

– А нет у вас ощущения, что именно та корпорация, которая вас преследовала, к власти-то и пришла в итоге?

– Разумеется, пришла. Это совершенно очевидно. То есть, когда Путин к власти пришел, это уже был звоночек. Первое время он был просвещенный автократ, там все было сравнительно нормально, кроме, конечно, подавления всякой политической оппозиционной деятельности. Но в целом страна, конечно, очень бурно развивалась и действительно процветала. И до сих пор экономически система более успешная, более гибкая, чем советская. В этом смысле у нее есть потенциал. Но политически, в смысле репрессий, она сейчас значительно жестче, чем та, из которой я уехал. Я не сравниваю со сталинским периодом, которого я не застал. Но тот период, в котором я жил в Советском Союзе, был, конечно, не до такой степени жестоким. Это вообще пыточные условия, применение пыток, которых не было тогда. И сроки невероятные. Тогда же был потолок 15 лет, при советской власти. Была, правда, смертная казнь, которой сейчас нет. Но она редко применялась. А вообще, больше 15 лет не давали. А сейчас же дают огромные сроки за какие-то совершенно смехотворные преступления. И нет системы отдельных лагерей для политических заключенных, что само по себе сразу ухудшило ситуацию, не говоря уже про пытки и про внесудебные убийства. То есть система, несомненно, ужесточилась намного.

– По вашему описанию истории подпольщиков складывается впечатление, что это была очень насыщенная политическая жизнь – которой, в целом, в СССР-то не было. На что эти подпольщики рассчитывали, чего они пытались добиться и каковы были их цели?

– Они боролись за власть в своих организациях, несомненно. Как в любом подполье: немедленно начинаются внутренние разборки. Да, собственно, вы их видите сегодня в российской оппозиции. То, что происходит, ничуть не лучше. И

тогда все это бурлило. Какова была цель, совершенно непонятно. То есть в Рязани, насколько я понимаю, никакой практической цели не было. А вот в Саратове они, скорее всего, что-то такое имели в виду, какие-то практические цели. Но какие именно, непонятно. То, что декларировалось в том, что я читал, это было просто "пропагандировать идею о реальной природе советской власти". И быть готовым к тому, что со временем произойдет.

– А по вашему ощущению, подобных групп в Советском Союзе было много?

– Да, в лагере их было достаточное количество. Из разных мест. И не все попадались, не всех, кто попадался, даже сажали. Разумеется, было неприятие советской системы у многих. Большинство, конечно, ничего не предпринимало по этому поводу.

– Чем-то похоже на ситуацию в современной России. С одной стороны, кажется, что уехали все те, кто были в оппозиции и против Путина. А осталось, вроде бы, единое лояльное большинство, как когда-то в Советском Союзе. Но по таким группам подпольщиков, как ваша, видно, что единого большинства на самом-то деле не было...

– Это всегда более-менее так и бывает. Большинство, понятно, не готовы ничего делать против режима. Но в этом большинстве разные мнения существуют. Поскольку все загнано под ковер, невозможно определить, кто каких придерживается взглядов. Нет свободного обмена мнениями. По настроениям, по реакции большинства, которое просто старается дистанцироваться, не встречать на всякий случай – это все действительно похоже на ситуацию в Советском Союзе.

Фигуранты дела Группы революционного коммунизма после лагерей продолжили общение за границей. В Израиле оказался Олег Фролов из Рязани, туда же после семи лет лагеря приехал автор "Заката капитала" Юрий Вудка. Из петрозаводского круга Эммануил Брио, которого исключали из университета, после армии вернулся в Вильнюс, получил образование и тоже позже уехал в Израиль, сейчас он живет неподалеку от Учителя в Иерусалиме. Другой его университетский знакомый, Тойво Барыгин, оказался в Хельсинки. С Андреем Синявским, с которым Учитель жил в одном бараке, он тоже виделся в Иерусалиме, куда тот приезжал из Парижа.

Другие его лагерные знакомцы сделали политические карьеры после распада СССР. Армянин Паруйр Айрикан, армянский диссидент и политик, один из лидеров подпольной Национальной объединенной партии, добивавшейся независимости Армении от СССР, отсидел в советских лагерях и ссылках почти двадцать лет, а потом стал лидером партии "Национальное самоопределение",

депутатом, несколько раз был кандидатом в президенты, а в 2013 году пережил покушение во время президентской кампании. Левко Лукьяненко, которого в 1961 году приговорили к расстрелу по делу Украинского рабоче-крестьянского союза, а потом заменили смертный приговор 15 годами заключения, провел в заключении и ссылке больше четверти века. После освобождения он стал одним из авторов Акта провозглашения независимости Украины, народным депутатом нескольких созывов, послом Украины в Канаде; в 2005 году получил звание Героя Украины. Умер в Киеве в 2018 году.

Александр Учитель, бывший преподаватель Древней истории Еврейского университета в Иерусалиме и Хайфского университета, был дважды женат. От первой жены у него две дочери, от второй – пятеро детей: один сын и четыре дочери, всего семеро. Внуков, как он сам смеется, "невероятное количество": только у старшей дочери от первого брака одиннадцать детей – шестеро от первого брака и пятеро от второго, уже есть и правнуки. И нет, он не родственник российскому режиссеру Алексею Учителю – хотя оба Ефимовичи по отчеству и родились с разницей в год.

– В каком-то смысле, может быть, и родственники – вообще, фамилия не очень распространенная, – смеется Александр Ефимович. – Но нет, я не знаком с ним совершенно и даже не знаю, какого он происхождения. Мой отец – родом из Бессарабии (*это правый берег Днестра; отец режиссера Ефим Учитель – родом из Тирасполя, это левый берег Днестра. – СР*).

Этот контент также в категориях

Регионы

История.Север